

Алексей Падалко родился в 1938 г. в Свободном. Работал учителем, строителем, художником. Член Союза писателей России. Пишет и прозу, и стихи. Но не только. В 1985 г. издательство «Просвещение» выпустило его книгу «Задачи и упражнения» по развитию творческой фантазии у детей». А в 2001 г. в Москве увидел свет его «Букварь изобретателя», содержащий около 300 задач на техническую смекалку для детей 10-14 лет.

Автор 15 изобретений. Автор герба города Свободного. Получил первый приз в конкурсе на лучший герб Амурской области.

«ФИЛАНТРОП»

Рассказ

Набирающий творческий вес прозаик Юрий Сидорюк искал деньги на свою четвертую книжку. Продолжительные поиски привели его в «ЧП» с красивым названием «Райская тишина». «Где-где, — рассуждал упорный прозаик, — а здесь деньги должны крутиться немалые. Люди мрут как мухи, и конца этому нет. А значит, и контора эта будет всегда процветать. Думаю, из-за несчастной тысячи не обеднеют...»

Размышляя так, Сидорюк незаметно для себя самого миновал занятую разгадыванием кроссворда тонкотелую секретаршу и очутился в кабинете директора. Еще молодой, но уже располневший блондин уставился на вошедшего голубыми прыгающими глазками. Прозаику он показался самой добротой и душевностью. «Уж этот-то не должен отказать...»

Сидорюк поспешно вынул из черной школьной сумки отпечатанную на машинке рукопись и, боясь, что его перебьют, сразу зачастил проникновенно:

— Это нужно не мне. Это нужно детям и внукам. Школам. Библиотекам. Всем любителям литературы. Рассказы, которые я...

— Понятно, — все же перебил его директор. — Что вы хотите?

— Как что, — осекся Сидорюк. — Спонсорскую поддержку.

— Сколько?

— Ну, сколько сможете... С миру, как говорится, по нитке — голому...

— Ну, про рубашку я знаю. Две тысячи хватит? На доброе дело не пожалею.

Он нажал кнопку на столе справа от своего пухлого животика. Вошедшей бухгалтерше, полноватой женщине, лицом и светлыми кудряшками похожей на Мадонну, сказал:

— Ольга Ильинична, посмотрите, что у нас в наличии. Поможет товарищу писателю!

Ольга Ильинична уже раскрыла свой грессбух, с которым она, видимо, не расставалась даже ложась спать, быстро отарабанила:

— Так. «Амурэнерго» мы задолжали 46 тысяч, «Единому заказчику» — 16, связистам — пять с половиной. А сегодня пришел штраф на 20 тысяч...

— Штраф?! За что?!

— Шофера пьяные ездят. За июнь гаишники шестерых застукали... За вырезатель еще...

— Как — за вырезатель? Кто попал?

— Да те двое, из новеньких, которых вы без паспортов приняли.

— Говорил же, не принимать! Тоже мне помощнички... Ну и сколько всего долгов?

— 171 тысяча.

— Сколько, сколько?! — поперхнулся шеф.

— 171 тысяча.

— Вы что, спятили! Да нам с нашей нищенской прибылью за три года из долгов не вылезти! Работнички... тоже мне!

Шеф погрузился, махнул бухгалтерше рукой, дескать, идите, в раздумье постучал пальцами по столешнице, поднял глаза на заскучавшего Сидорюка:

— Ну, вот... хотелось как лучше, а вышло...

— ... как всегда, — закончил проситель. — Да я понимаю, чего уж. Эта беда не только у вас. Не первый вы меня так провожаете.

— Вы уж извините, товарищ писатель. Так хотелось уважить...

Не успела за Сидорюком закрыться дверь, как в ней возникла худосочная фигурка секретарши:

— Ролан Семеныч, к вам посетительница.

— Что она хочет?

— Говорит, из отдела культуры.

— Ну ясно, за деньгами... Ладно, давай.

Шеф оценивающе взглянул на молодую привлекательную женщину с загадочно-просящей улыбкой. Сказал тепло:

— Слушаю.

— Добрый день, Ролан Семеныч. Что-то вы город свой забываете. Все «ЧП» и даже бюджетники на артистов средства жалуют. Ребята наши первые места везде занимают, славу городу делают. А сейчас вот нас в Японию приглашают на фестиваль духовной музыки. Подсобили бы чуток на костюмы, Ролан Семеныч, а?

— Для благого дела никогда не откажу. Раз Япония, тут придется раскошелиться по полной программе, — он нажал кнопку на столе справа от своего пухлого животика.

И когда «оформленная под Мадонну» вошла и раскрыла свой грессбух, попросил:

— Посмотрите, что у нас там в наличии. Надо помочь нашей культуре!

— Так. «Амурэнерго» мы задолжали 46 тысяч, «Единому заказчику» — 16, связистам — пять с половиной. А сегодня пришел штраф на 20 тысяч...

— Штраф?! За что?!

После того как и поборница культуры несолоно хлебавши удалась восвояси, Ролан Семеныч пригласил бухгалтершу присесть:

— Ну, что у нас там на самом деле?

— Идем с прибылью. И с немалой. Только в этом месяце мертвецы принесли нам доход в 115 тысяч...

В эти секунды кто-то постучал в дверь.

— Войдите.

Вошел... прозаик Сидорюк.

— Ролан Семеныч, — начал он, наступательно глядя в тревожно запрыгавшие глазки шефа. — Сегодня утром я побывал за кладбищем. Что там нашел, не поверите! Там о-го-го какие кучи мусора понаворочены! Вашего, Ролан Семеныч, мусора.

— Откуда вы знаете, что он мой... наш? — забеспокоился шеф.

— А вот смотрите. — Сидорюк вставил в видеомagnитофон кассету и нажал кнопку. — Видите? Десятки ржавых металлических венков... искореженные надгробные памятники... Ой, сколько же здесь всего понавалено! В городе, дорогой Ролан Семеныч, только вы этим занимаетесь. Больше никто. Вместо того чтобы все это вывезти на свалку, вы гадите у себя под носом. Экологи еще не видели. А увидят!..

— Что вы хотите?

— Мне надо издать книгу.

— Ольга Ильинична, что у нас там в наличии?

Понятливая бухгалтерша тут же раскрыла грессбух и начала было читать:

— Так! «Амурэнерго» мы задолжали 46 тысяч, «Единому...»

Но шеф внезапно взорвался:

— Да уберите вы свою... — он на секунду умолк, кашлянул и сурово продолжил: — Сколько реально мы можем дать писателю на книгу? Сколько, я спрашиваю?!

Ольга Ильинична, приоткрыв рот, непонимающе смотрела на шефа, но вдруг сообразив, что это уже не игра, выпалила:

— Две тысячи!.. Или три.

— Три с половиной! — твердо сказал Ролан Семеныч. — А иначе мы пойдем по миру с протянутой рукой.

— Мало, — так же твердо парировал прозаик. — Надо двенадцать.

— Двенадцать? — ополоумел шеф, и глазки его, закончив прыгать, остановились на упрямых губах Сидорюка. —

Да за двенадцать нам надо месяц пахать без передышки!

— Двенадцать, — стоял на своем Сидорюк. — Или...

Поняв, что это «или» имеет нехороший оттенок и дело может принять очень и очень крутой оборот, шеф безнадежно махнул рукой:

— Ольга Ильинична, выплатите писателю двенадцать тысяч. Поскребите у себя по сусекам.

— Поскребу, Ролан Семеныч. Мы как раз уже кое-что подобрали... Идемте, уважаемый товарищ писатель...

Михаил Кушнарев

НОЧНОЙ ЭТЮД

Михаил Кушнарев — член Свободненского литобъединения с 1974 года, а с 1998-го — его председатель. Печатался в районных газетах, в коллективных сборниках, выпустил две книги стихов.

Лунной ночью выйду в поле,
Голубой стоит овес.
Скирды сена прокололи
Небеса до самых звезд.

Разнося кому-то вести,
Вспыхнул быстрый метеор —
Меж собой ведут созвездья
Непонятный разговор.

Словно снегом лунным светом
Ночь всю речку занесла.
Где-то двое в лодке едут —
Серебро летит с весла.

ГИПОТЕЗА

Давно это было...
Художник седой Леонардо,
Джоконду увидев,
Нашел в ней пример для искусства.
Взял кисть он, холсты
И портрет стал писать вдохновенно.
Смущаясь немного,
Она живописца спросила:
— Я не из красавиц,
Так будут ли мной любоваться?
Скорее, портрет мой
Тотчас же предастся забвенью,
Как только он будет
Вниманья толпы удостоен!..

Но старец, лукаво взглянув,
Ей развеял сомненья
И так объяснил он:
— Порою так люди беспечны,
Что часто не в силах
Увидеть красы настоящей,
А мне все открылось.
И я вот с помощницей-кистью
Им взор открываю
На то, что для них недоступно,
А раз поглядев,
Оторвать не посмеют уж взгляда!

— Да ну! — усмехнулась Джоконда,
Взглянув с недоверьем
Туда, где да Винчи,
Забыв про орудье искусства,
Ходил взад-вперед
У неясного контура дамы,
Толкуя о вечном —
Духовной красе человека.
— Да ну!... — Этот голос сомненья
Внезапно услышав,
Тотчас от суждений глубоких своих

Оторвавшись,
Творец знаменитый
Усмешку Джоконды увидел
И миг тот блаженный
На влажном холсте обессмертил.

— Да ну!.. —
Удивишься, читатель,
— Уж так ли все было?

Все так! А не веришь,
Еще погляди на творенье.
Три века не сходит
Усмешка, улыбкой прикрыта,
Три века не могут понять
Мудрецы всего света
Того, что великий художник
Не образ, как есть он,
А мысли и чувства,
Сомненья Джоконды оставил,
Укрыв под искусной игрой
Живописных приемов.

А мысли и чувства —
Они лишь живому присущи.
Живое — нетленно,
И в этом кольце неразрывном
Скрывается тайна усмешки
Прекрасной Джоконды!

СЕЛО ВОЗРОЖДАЮЩЕЕСЯ

Иду я пригорком покатым
По пыльной весенней стерне,
И старую бабушкой хата
Идет, ковыляет ко мне.

Подперлась шестом, как клюкою,
Убрать, так повалится вбок.
И где-то под пыльной стрехою
Воркует седой голубок.

И вижу — полно здесь народу,
Окраиной трактор бурчит,
Лопаты звенят в огородах,
И смех где-то детский звучит.

Вот кто-то запел над рекою,
Вот звякнуло — моют окно.

